

**Надежда Беляева, президент
Пермской художественной галереи**

«Не побоитесь ли вы?»

1987 год — это начало перестройки. До этого времени имя Дягилева было практически под запретом и упоминалось только в специальной литературе, и называли его «какой-то там антрепренёр». Поэтому, как вам это ни покажется странным, затевать Дягилевские выставки и конференции тогда было весьма рискованно.

Уехав за границу, Дягилев вычеркнул себя из российской памяти, но не из памяти исследователей. К тому времени единственным изданием с именем Дягилева на обложке были два тома Ильи Зильберштейна «Сергей Дягилев и русское искусство». Да, на выставке «Москва — Париж» говорили о Дягилеве, но в названии экспозиции его имени не было. А мы вынесли его имя на афишу выставки и конференции в 1987 году, назвав программу «Сергей Дягилев и культура XIX–XX веков». Галерея формировала её вместе с искусствоведом Сергеем Васильевичем Голынцом. Мы сидели с ним как-то в один из вечеров, и я сказала: «Давайте сделаем!» Он спросил, не побоюсь ли я, и я ответила: «Нет!»

На абсолютном энтузиазме

Сергей Васильевич предложил нам концепцию, и мы вместе с Евгенией Ивановой Егоровой и другими коллегами собирали выставку. Началось путешествие по России, в основном в

Москву и Петербург. Это были риски со всех сторон. Мы везли работы буквально на себе — в купе поездов, не было тогда страховок и спецмашин. «Спецмеханизмами» были мы. На свои деньги нанимали машины, чтобы довезти картины до поезда. И удовлетворение от сделанного было, конечно, велико.

Сколько тогда мы привезли работ!

В первую выставку было показано 32 музейных и частных собрания, и многие работы демонстрировались впервые. Тогда к нам приехал цвет нашей искусствоведческой науки, чтобы посмотреть работы из частных коллекций. Здесь были, наверное, все самые высокие звёзды: Стернин, Сарабьянов, Герчук, Кантор, Гаевский... И жить было интересно в содружестве с такими учёными, которые стали буквально друзьями для галереи. Мы получали огромный профессиональный опыт и общение.

ЗАТЕВАТЬ ДЯГИЛЕВСКИЕ ВЫСТАВКИ И КОНФЕРЕНЦИИ ТОГДА БЫЛО ВЕСЬМА РИСКОВАННО

Никогда я не видела на выставке столько людей! Я думала, на открытии обвалится второй этаж, потому что просто всё пространство было заполнено народом.

Это была первая и единственная выставка галереи, доходы от которой превысили расходы, потому что делалась она на абсолютном энтузиазме. Сейчас такую выставку было бы чрезвычайно сложно потянуть.

Слово из Перми было услышано во всём мире

Выставка проходила фактически на двух этажах галереи. Часть экспозиции мы назвали «Пермь. Петербург. Париж». Нам было очень важно показать мотив дороги как символ движения Дягилева, его пути и творчества.

В то время не было сегодняшних технических возможностей, когда можно быстро сделать любой баннер. В фотостудии «Кама» мы заказывали большие фотографии размером во всё окно с узнаваемыми видами Перми, Петербурга, Парижа. Можно сказать, это была первая дизайнерская выставка в галерее.

Очень много было в ней того, чего раньше и показать-то было нельзя в провинциальном музее. Например, мы впервые выставили «Литургию» Гончаровой из Третьяковской галереи, а что уж говорить о частных собраниях! Музеи поражались нашей смелости, азарту и шли нам навстречу — давали картины.

Выставка — событие ответственное, тревожное и непростое. Мы, конечно же, уже на этапе замысла и подготовки осознавали, что это событие историческое. Рядом был хороший учитель, профессионал, наш поводырь — Сергей Васильевич Голынец. Власть, судя по всему, чувствовала себя неудобно, поэтому на всякий случай предпочла наблюдать, но не вмешиваться. Открывал выставку Дмитрий Иванович Горобец, заместитель начальника областного управления культуры.

Я благодарна властям за то, что они нам не мешали. Время уже было другое.

И тем и другим приходилось учиться в нём жить. Но у нас был азарт — мы же творцы, мы более свободны.

За первую выставку я получила выговор от местной партийной организации. Что там конкретно звучало, я уже и не помню. Через год мне сказали: «Снимай выговор», но я ответила: «Не буду. Я с ним не согласна. Вы мне его дали, вы и снимайте».

Слово из Перми тогда было услышано во всём мире. Была чётко очерчена роль нашего города в судьбе Дягилева. Первые Дягилевские торжества имели большой резонанс и значение в реабилитации его имени. В Пермь приехало всё профессиональное сообщество. Успех был такой, что только ленивый (я имею в виду не только пермскую прессу) об этом не писал. Приехала Линн Гарафола из США, автор первой монографии о Дягилеве.

Мы дважды были у Ильи Самойловича Зильберштейна, привозили на выставку от него работы, письма. Он хотел лично приехать на открытие, но не смог, и буквально после открытия мы говорили с ним по телефону — он живо интересовался, как всё прошло.